

Формирование отечественной историко-философской традиции. Феномен Сократа*

И. Н. Мочалова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Мочалова И. Н. Формирование отечественной историко-философской традиции. Феномен Сократа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2019. Т. 35. Вып. 1. С. 56–69. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2019.105>

В статье анализируется процесс формирования отечественной истории философской мысли. Переоценка российскими философами советских мировоззренческих ориентиров привела к переоценке философии отдельных мыслителей и методологического инструментария истории философии. В этой связи осмысление прошлого историко-философского знания, способов его производства и трансляции понимается как необходимое условие для выработки новых историко-философских стратегий. В первой части статьи рассматривается формирование в Европе истории философии как автономной области философского знания и показывается, что профессионализация философии стала катализатором дискуссий о природе историко-философского знания и привела к его концептуализации. Раскрывается связь между процессами институализации философии в России и появлением первых историко-философских работ на русском языке. Для их качественной оценки предлагается рассматривать фигуру Сократа, в описании воззрений которого, как в фокусе, представлены способы философской саморефлексии. Показывается вторичный, компилятивный характер первых отечественных историй философии. Вторая часть статьи посвящена исследованию истории древней философии в России. Показывается, что обращение к этому периоду связано с утверждением 30-е годы XIX в. нового вектора развития философии с дальнейшей ее профессионализацией. Освоение древней философии способствует расширению инструментария истории философии и преодолению ее поверхностного, упрощенного изложения. О новом качестве истории философии как самостоятельной науки и учебной дисциплины свидетельствует полемика о задачах истории философии, развернувшаяся в 90-е годы XIX в. между двумя мыслителями — Н. Н. Страховым-старшим (1828–1896) и Н. Н. Страховым-младшим (1852–1928). Ее анализ в заключительной части статьи позволяет утверждать, что к концу XIX в. в России формируется история философии как самостоятельная специализированная область философского знания.

Ключевые слова: история философии, русская философия, институализация философии, Сократ, методология.

«Сократ как таковой — украшение человечества», — написал о Сократе русский философ, богослов, литературный и музыкальный критик Владимир Николаевич Ильин [1, с. 88], и с ним трудно не согласиться. Хотя практически любые свиде-

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 18-011-00968 «Сократ: pro et contra. Миф о Сократе в отечественной и мировой культуре».

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2019

тельства о жизни Сократа могут быть подвергнуты и подвергаются критике, а его учение, само существование которого далеко не очевидно, вряд ли когда-либо сможет получить однозначную оценку, нет сомнения в том, что мы будем продолжать встречать имя Сократа и на страницах академических антиковедческих работ, и в учебниках по философии и ее истории, слышать его в дискуссиях о судьбах культуры и цивилизации в самых различных аспектах — от политико-правовых до морально-нравственных. Когда мы говорим о многоликом Сократе, мы, по сути, говорим о многообразии всего культурного и философского опыта. «Украшая человечество», Сократ выступает и своеобразной лакмусовой бумажкой, проявителем зрелости культуры, показателем глубины осмысления прошедших веков и современной жизни.

Предметом анализа данной статьи выступает процесс формирования отечественной историко-философской традиции. Именно в формах описания личности Сократа и в интерпретациях его учения как в фокусе представлены способы философской саморефлексии, методы репрезентации отечественной философской мысли и ее истории.

История философии: из Европы в Россию

К середине XVIII в. процесс профессионализации философии в Европе становится особенно интенсивным. Преподавание философии в университетах делает необходимым обращение к ее истории, которая начинает пониматься как своеобразная пропедевтика, введение в предмет. Следствием обретения историей философии этого нового статуса выступает критический пересмотр всего накопленного к этому времени исторического философского знания. Историко-философский материал перестает быть собранием жизнеописаний философов в жанре античных доксографов и произвольным набором приписываемых этим философам различных учений. Самостоятельная ценность специальной учебной дисциплины требует от историков философии определения своего предмета, его цели и задач, продумывания историко-философской методологии. Одним из первых в Германии этот труд был выполнен Иоганном Якобом Бруккером. Его пятитомная «Критическая история философии от сотворения мира до наших дней» (1742–1744) выдержала два издания и сохраняла актуальность в течение столетия. Во Франции подобная работа была сделана Андре Франсуа Буро Деландом, издавшим в 1737 г. трехтомную «Критическую историю философии». В многотомных исследованиях истории древней философии, понимаемой в качестве фундамента всего последующего развития философской традиции, отводилось особое место, она излагалась наиболее подробно и основательно. Именно в рамках изложения античного материала формировался терминологический аппарат, ставились проблемы периодизации и классификации обширного историко-философского материала. Например, И. А. Эберхард, немецкий философ, филолог и теолог, учитель Ф. Шлейермахера, в своей «Всеобщей истории философии для использования в академических лекциях» (1788) предложил ставшее позднее общепринятым деление античной философии на два основных периода — «досократовскую философию» (*die vorsokratische Philosophie*) и «сократовскую философию» (*die Sokratische Philosophie*).

Интенсивность историко-философских исследований, с одной стороны, и развернувшиеся, прежде всего в Германии, в конце XVIII в. дискуссии о философии — с другой, не могли не привести к проблематизации истории философии как особой области философского знания, отличающейся от истории отдельных наук. По мнению кантианца К. Л. Рейнгольда, выступившего в 1791 г. с программной статьей «О понятии истории философии», опорой новой истории философии должно было стать новое понятие философии, которое еще только предстоит создать и которое позволит извлекать «философский смысл» из текстов прошлых веков. Так, к концу XVIII в. в рамках инициированной Рейнгольдом дискуссии о природе историко-философского знания возникает философия истории философии и формулируется противопоставление «философской» и «нефилософской» истории философии [2]. Теперь авторы многочисленных историй философии не могут не определять своего понимания истории философии, предваряя изложение историко-философского материала теоретико-методологическим введением. В частности, такое введение, раскрывающее понятие, объем, метод, ценности истории философии, появляется в «Очерке истории философии» (1812) В.Г.Теннемана, автора одной из самых влиятельных и популярных «Историй философии» (11 томов выходили в период с 1798 по 1819 гг.). В обширном введении в свою историю философии формулирует историко-философскую концепцию Гегель, по мнению которого, история философии вне философского осмысления представляет лишь ряд мнений, заблуждений, проявлений игры мысли и эрудиции, а историки философии уподобляются животным, которые хотя и слышат звуки музыкального произведения, но не способны уловить их гармонию [3, с. 67]¹.

Первые истории философии на русском языке не были последним словом в историко-философской науке. Их появление во второй половине XVIII в. было связано с интенсивными процессами европеизации России в рамках проекта просвещенного абсолютизма, реализованного Екатериной II. По ее распоряжению с 1768 г. официальным языком науки и преподавания становится русский язык. Решению образовательных задач и должны были служить первые истории философии, выпускаемые в качестве учебных пособий для разного рода учебных заведений. В частности, коллежский секретарь Кирилл Быстрицкий переводит в 1771 г. для учащихся с латинского языка «Историю философическую, или о философии» Фридриха Генцкена [5]. В ней автор «ясно и кратко» описывал «жизни славнейших философов», одним из которых был представлен Сократ, излагал «главнейшие их положения и последования сект великих». Рассчитанная на подростков, она не имела никакой научной ценности, но все же служила введением в историю мысли. Значительно более влиятельным изданием стали переводы историко-философских штудий упомянутого выше И. Я. Бруккера. Необходимости в подробном знакомстве с историческим материалом, изложенным Бруккером в пяти томах, не было; потребности учащихся (пособие предназначалось студентам Московского университета) в этот период вполне удовлетворялись «Сокращенной историей философии от начала мира до нынешних времен» (1785). По сути, переводчик С. В. Колокольников представил краткий конспект, сделанный им с французского издания [6]. Три года спустя был издан еще один конспект бруккеровской истории фило-

¹ О становлении и развитии историко-философской науки Франции, ее месте и значении для всей французской интеллектуальной культуры см. недавно вышедшую книгу А. А. Кротова [4].

софии — «Критическая история философии, служащая руководством к прямому познанию ученой истории», — выполненный Х. Вольфом и переведенный с немецкого Михаилом Гавриловым [7]. И хотя последний вариант был в два раза короче первого, он вполне соответствовал учебным целям. Эти краткие конспекты закрепились сложившиеся в Германии и Франции к середине XVIII в. и уже устаревшие к этому времени модели изложения истории мысли, формировали оценочные стереотипы. Сократ предстал в них подлинным героем-философом, посланником Бога, миссия которого состояла в том, чтобы помочь человеку достичь совершенства и блаженства.

Наступивший XIX в. не внес существенных изменений. Трудно не согласиться с оценкой первых его десятилетий, данной Густавом Шпетом в «Очерке развития русской философии»: «О философском национальном сознании до уваровской эпохи говорить не приходится. Первое десятилетие есть лишь более или менее твердое наведение изготовленных за границу прописей» [8, с. 490]. Действительно, первые авторские пособия по истории философии назвать авторскими можно с большой долей условности, ибо составлены они были по чужим прописям. Авторское начало состояло в выборе оригинального образца, принимавшегося в качестве основания работы. Так, например, в 1818 г. в трех номерах журнала «Вестник Европы» были опубликованы «Первые опыты философов» [9]. Спустя два года они были изданы отдельной книгой под названием «Опыт руководства к истории философии» [10] и предназначались в качестве учебного пособия «благородным воспитанникам университетского пансиона». Автором истории философии был выпускник отделения нравственных и политических наук Московского университета, знаток греческой и латинской словесности, Иван Иванович Давыдов (1794–1863). Образцом для Давыдова стал объемный труд французского филолога и философа, политика и юриста Ж. М. Дежерандо (1772–1842) «Сравнительная история систем философии по отношению к принципам человеческих знаний», изданный в 1804 г. в трех томах². «В иных местах, — писал Давыдов в предисловии, — вмнял я себе за честь переводить знаменитого философа; в других извлекал из него важные мысли» [8, с. 16]. По мнению Давыдова, Дежерандо соединил «ученость и правильность Бруккера с глубокомыслием и проникательностью Кондильяка, и, кроме того, он удержал чистоту и гибкость слова сочинителей Энциклопедии. Ни один автор не заставляет столько размышлять, не учит столько наблюдать и не заставляет столько любить Философию» [8, с. 16]. Как и Дежерандо, И. И. Давыдов видел в истории философии пропедевтическую учебную дисциплину, главная задача которой — подготовить к восприятию философии, «заставить полюбить философию». Как никакой другой чувство любви и восхищения должен был вызывать созданный Дежерандо-Давыдовым образ Сократа, философа, открывшего эпоху «блистательных успехов ума». Как писал Давыдов, пересказывая французского историка философии, Сократ первым извлек философию из «мрачной области воображения» и очистил ее, возвратив права чувствам и подтвердив права разума. «Величественная смерть за мудрость» была не напрасной, Сократ первым правильно понял философию как основанное на опыте полезное научное знание и в этом отношении может рассматриваться как предтеча Ф. Бэкона.

---

² Анализ историко-философской концепции Ж.-М. Дежерандо см.: [11].

С другим Сократом, Сократом-моралистом — «философом здравого рассудка», мы встречаемся на нескольких страницах вышедшего в то же время в Санкт-Петербурге объемного труда Александра Ивановича Галича «История философских систем» (1818–1819). Сам Галич не скрывал вторичности своего текста, но его ориентация на немецкую историко-философскую традицию делала исследование более теоретически фундированным, претендующим на «философскую» историю философии. Однако, несмотря на заявленное во введении критическое отношение к эмпирической методологии, преодолеть ее недостатки, учитывая в целом компилятивный характер работы, самому Галичу не удается. Хорошо понимая это, он ясно объясняет «существенные недостатки» «трудностью самой материи, и новостью опыта... костностью философского нашего языка и настоятельной потребностью верного руководства» [12, с. VII–VIII]. Объяснение Галича можно считать вполне исчерпывающим. Теперь каждый из тех, кто брался за историко-философскую работу, должен был не только осознавать трудности такой работы, но и предложить способы их преодоления.

История древней философии в России

Триада «самодержавие, православие народность», провозглашенная в 1833 г. новым министром просвещения С. С. Уваровым, определила не только основной вектор развития философии в России, состоящий в поисках ее самобытных начал и народных истоков, но и понимание статуса и значения истории философии. Теперь задачей было не поверхностное и упрощенное изложение истории западной мысли по западным же образцам, но глубокое усвоение ее истоков — древней философии.

Одним из тех, кто включился в реализацию такой задачи, был Василий Николаевич Карпов (1798–1867). Предисловие к своему переводу «Истории философии древних времен» Генриха Риттера Карпов начинает с констатации состояния философии в России. Отметив значительные успехи по всем отраслям наук, он вынужден констатировать, что «только философии нет, или почти нет в России; эта наука у нас еще не получила организации, но дробится в бесконечном множестве мыслей разнохарактерных и разноценных, разъясненных отрывочно в нашей литературе, или изредка украшающих беседу людей образованных» [13, с. III]. Нельзя не отметить заслуг самого Карпова в деле изучения древней философии — его огромный труд по переводу всего платоновского корпуса на русский язык. Однако, как сам Карпов неоднократно подчеркивал, плоды иноземных растений, поддерживаемые искусственной почвой и теплотой, «нежны, но непрочны, свежи, но без жизни». «Наши науки, — уверен был Карпов, — только тогда могут сделаться собственно нашими, когда будут проявляться в оригинально-русской теории» [14, с. 181].

Одним из тех, кто предложил оригинальное прочтение древней философии, стал Орест Маркович Новицкий, выпустивший в 1860–1861 гг. «Постепенное развитие древних философских учений в связи с развитием языческих верований» в четырех объемных томах. Свой труд Новицкий начинает с предисловия и обширного введения, где он формулирует понимание предмета истории философии, закономерностей ее развития, и, что особенно ценно, полемизируя с историко-философским эмпиризмом, с одной стороны, и априоризмом Гегеля — с другой, предлага-

ет собственную концепцию, называя ее «эмпирико-рациональным построением» истории философии. По мнению О.М.Новицкого, в историко-философском исследовании аналитические и синтетические приемы должны рассматриваться как два равно необходимых элемента истинного метода истории философских учений: в нем должны непрерывно соединяться верное изложение фактов с их обзорением, анализ — с общим синтетическим построением; анализ должен дать действительность, как она есть, а синтез — привести к познанию ее духа; первый должен показать произведение, а последний — действующую в нем идею как организующую душу целого [15, с. 7]. Только такая методология, по мысли Новицкого, позволит решить стоящую перед историком задачу — представить философские учения разных времен как имеющие «между собою свою собственную внутреннюю связь, состоящую в последовательном их развитии». Однако понимание истории философии как «сомкнутого в себе целого» не должно приводить к отрицанию единичных исторических фактов, ибо «каждое историческое явление, как произведение свободной воли, имеет в себе сторону случайности» [15, с. 6].

Показательным примером последовательной реализации заявленной методологии может служить раздел истории греческой философии, посвященный, в терминологии Новицкого, «второй ступени греческой философии», раскрывающей «обращение философствующего сознания к человеку, или одностороннее уразумение безусловного в духовном бытии человека» [16, с. 297–429]. Следует сказать, что в целом Новицкий сохраняет разработанную Гегелем периодизацию истории античной философии, не пересматривает он, в отличие от Эдуарда Целлера³, и место Сократа, помещая рассказ о нем, вслед за Гегелем, на «вторую ступень греческой философии» в качестве одного из трех направлений этой ступени. По мысли Новицкого, первое направление представляет философия софистов, рассматривающих человека с индивидуальной, эмпирической точки зрения; философия Сократа — это второе направление, раскрывающее взгляд на человека с точки зрения всеобщей, идеальной; завершает этот период философия последователей Сократа, рассматривающих какую-либо одну сторону человеческой природы, с частной или с общей точки зрения. Собственно главу о Сократе трудно назвать оригинальным авторским текстом, скорее это вольный пересказ-перевод текста из истории философии Гегеля. Ценность такой работы состояла в выработке отечественного историко-философского терминологического аппарата, отсутствие которого создавало большие трудности, в частности, для А.И.Галича. Более того, анализ раздела в целом позволяет увидеть в работе и заявленную Новицким во введении эмпирико-рациональную методологию: несмотря на сохранение трех направлений — философии софистов, Сократа и сократиков, — их соотношение у Новицкого иное, чем у Гегеля. Критика гегелевского априоризма и принципа тождества логического и исторического приводит Новицкого фактически к разрушению гегелевской триады: он критикует софистов, высоко оценивает Сократа и не видит ценности в работе его учеников, называя их «несовершенными последователями Сократа» [16, с. 411].

---

³ О.М.Новицкий отмечает, что писал свой труд опираясь в части греческой философии на Э. Целлера, отдавая «ему предпочтение перед всеми другими писателями по древней истории философии» [15, с. XII]. Об историко-философской концепции Целлера и его критике Гегеля см.: [2].

И хотя труд О. М. Новицкого не остался незамеченным современниками, отечественные философы в начале 1860-х годов вряд ли были готовы к профессиональной дискуссии о природе историко-философского знания. Даже спустя тридцать лет, когда изучение истории философии и философии в духовных академиях и в университетах стало более глубоким и специализированным, Александр Введенский в предисловии к первому изданию русского перевода «Истории древней философии» В. Виндельбанда писал: «Скудость русской философской литературы доходит временами до того, что по целым годам нельзя найти в продаже ни одной книги, пригодной для основательного ознакомления с той или другой философской дисциплиной, вследствие чего и преподавание философии в университетах терпит значительный ущерб» [17, с. III]. Понять сетования А. Введенского можно, однако надо признать, что за тридцать лет ситуация в России все же изменилась: к началу 90-х годов XIX в. появились профессиональная философия и философы, готовые к обсуждению профессиональных проблем, в том числе связанных с определением задач и специфики истории философии как отдельной области знания и учебной дисциплины.

Страхов против Страхова: история одной полемики

В 1892 г. на страницах богословско-философского журнала «Вера и разум», издававшегося Харьковской епархией, публикуется «Очерк истории философии» [18]. Для формата журнала «Очерк» достаточно объемный, и поэтому он печатается с продолжением в восьми номерах в течение всего года. Автор этого «Очерка» — Николай Николаевич Страхов (1852–1928), выпускник Московской духовной академии, преподаватель философских предметов в Харьковской духовной семинарии. С 1882 г. преподаванию философии в семинарии уделялось пристальное внимание. Это было связано с деятельностью другого выпускника Московской духовной академии, а затем и ее профессора, Алексея Иосифовича Ключарева (1820–1901). В 1877 г. он принял монашеский постриг с именем Амвросий, а в 1882 г. преосвященный Амвросий был назначен епископом Харьковским и Ахтырским и прибыл в Харьков. Понимая значимость повышения духовно-образовательного уровня, как преподавателей, так и воспитанников семинарии, Амвросий инициирует издание при семинарии богословско-философского журнала «Вера и разум», который в скором времени занимает значимое место культурном пространстве не только Харькова, но и России.

В 1893 г. Страхов издает журнальный вариант «Очерка» небольшой отдельной книгой (168 страниц) — «Очерки истории философии. С древнейших времен философии до настоящего времени» [19]. На десятилетия эта работа становится востребованным учебным пособием по истории философии для семинаристов и студентов Харьковского университета, выдержав несколько переизданий (1894, 1901, 1907, 1910, 1914, 1916). Кроме этого, перу Страхова принадлежат целый ряд журнальных публикаций, объемная монография «Христианское учение о браке и противники этого учения», ряд пособий по философии и богословию. Однако имени Н. Н. Страхова мы не найдем на страницах истории русской мысли, ибо, будучи полным тезкой другого Николая Николаевича Страхова (1828–1896), своего старшего современника, известного публициста, литературного критика и фило-

софа, младший Страхов в буквальном смысле потерялся — сделался незаметным. В библиотечных каталогах нашлось место лишь одному Н. Н. Страхову, что привело к ошибкам в определении авторства ряда работ⁴. В частности, небольшая работа «Учение о Боге по началам разума» в справочной литературе по русской философии и сегодня продолжает числиться за старшим Страховым [21, с. 489; 22, с. 767].

Однако Николай Николаевич Страхов — старший, с юности увлеченный философией и ее историей, не обошел вниманием «Очерк» своего тезки, хорошо понимая востребованность такого рода литературы. Знакомство с работами Страхова-младшего стало поводом для его глубоких размышлений об истории философии, ее целях, задачах, способах изложения историко-философского материала. Они нашли отражение в объемной критической статье «О задачах истории философии», опубликованной в 1894 г. в журнале «Вопросы философии и психологии» [23]. Эту статью вполне можно считать программной, подводящей итоги историко-философским исследованиям Страхова, начало которых относят к 1860-м годам, когда на протяжении нескольких лет (1862–1865) Николай Николаевич трудился над переводом четырехтомной «Истории новой философии» Куно Фишера [24]. Эта работа во многом определила интерес Страхова к истории философии, метод и стиль его собственных историко-философских работ, посвященных творчеству Бэкона, Гегеля, Шопенгауэра, Гартмана и др.

О значении статьи «О задачах истории философии» для самого Страхова говорит включение ее в качестве итоговой в «Философские очерки» (1895), представляющие авторскую подборку философских текстов, написанных Страховым в разное время [25]. Последняя работа, подготавливавшаяся Страховым по просьбе редакции «Вопросов философии и психологии» и, к сожалению, оставшаяся незавершенной, — это «Письма о философии». Из шести запланированных писем Страхов успел подготовить лишь черновик первого письма⁵. Анализ плана и первого письма показывает, что Страхова продолжал волновать круг вопросов, определенных работой «О задачах...». Оценивая в письме сделанное, Страхов писал, что если до сих пор он «ограничивался только частными вопросами, или даже одной постановкой вопросов, то делал это прежде всего из великого уважения к философии», полагая, что «философия есть самая высокая и самая трудная наука» [26, с. 783].

Сегодня, когда можно говорить о ренессансе страховедения [27; 28; ср.: 20], работа Страхова «О задачах...» вызывает исследовательский интерес, позволяя реконструировать историко-философскую концепцию мыслителя [29] и глубже понять его герменевтическую стратегию [30; 28]. Однако надо сказать, что первым публичным откликом на публикацию «О задачах...» стала статья Страхова-младшего «К вопросу о задачах истории философии», которую он публикует в том же 1894 г. в двух номерах журнала «Вера и разум» [31]. В ней он детально анализирует статью Страхова-старшего и находит его критические замечания в адрес «Очерка истории философии» малоубедительными, а стремление коллеги

---

⁴ Подробнее о библиографических ошибках см.: [20, с. 71–72]. Для избежания ошибок в библиографии данной статьи при описании работ младшего Н. Н. Страхова используется уточнение: Страхов Н. Н. (Мл.)

⁵ Черновик Письма был опубликован посмертно в 1902 г. в «Вопросах философии и психологии» [26].

ограничиться лишь постановкой вопросов — недостаточным для историка философии. К сожалению, болезнь и смерть в 1896 г. Страхова-старшего прервала начатую дискуссию, безусловно, требующую специального анализа и остающуюся актуальной и сегодня.

Сократ, Ксантиппа и задачи истории философии

Остановимся на одном из эпизодов полемики, определенным образом проясняющем позиции авторов. Речь пойдет о Сократе.

Надо сказать, что оба участника дискуссии очень высоко оценивают роль Сократа в истории философской мысли. Для Страхова-старшего Сократ есть «крупное событие», которое он понимает как переворот или перелом, отделяющий совокупность многих систем от последующих за ними философий; именно Сократ, по Страхову, начинает новый период у греков [23, с. 22]. Схожим образом оценивает место Сократа Страхов-младший, посвящая ему в своем «Очерке» пять страниц, что немало, учитывая небольшой объем «Очерка». Он полагает, что «только с Сократа философия становится на истинно научную почву, потому что с этих пор она становится системой методически выработанных понятий». Страхов-младший называет Сократа «великим инициатором», который «возвысился над всем частным и индивидуальным до всеобщего», производя «сильное и глубокое влияние на современников» [19, с. 40].

Однако, думается, что, прочитав в «Очерке» коллеги страницы о Сократе, Страхов-старший остался неудовлетворенным, как остался он неудовлетворенным, прочитав «Очерк» целиком. Свою неудовлетворенность «историями философий» в предисловии к «Философским очеркам» он объяснил следующим образом: «Жизнь книги состоит в мысли, которая в ней движется; там, где мысль прерывается и ее путь заменяется мертвыми склейками и вставками, или даже простою последовательностью строк и страниц, отсутствие настоящей связи не всегда ускользает от нашего вникания, почему мы и чувствуем себя неудовлетворенными» [25, с. III]. Но что нужно для выражения «живого движения мысли»? Страхов-старший воздерживался от ответов, предоставляя их поиски читателям. В этом состояла особенность творческого подхода Страхова, последовательного сторонника «принципа ἔλοχῆ, метафизической воздержанности» [32].

Обращает на себя внимание одно замечание, сделанное старшим Страховым в адрес немецкого историка философии Фридриха Ибервега. Страхов, поясняя свое деление истории философии на «внутреннюю», т. е. подлинную научную историю, и «внешнюю», «ученую» историю, в качестве образца последней приводит трехтомный «Очерк истории философии» Ибервега (1863–1866). Действительно, история философии Ибервега была ярким примером «ученой» истории, ибо представляла ряд библиографических очерков об отдельных мыслителях, объединенных в школы и направления. Освоение такой истории, по мнению Страхова, было лишь приобретением философской эрудиции, но за биографическими данными, списками трудов и исследований о них исчезала мысль, т. е. собственно сама философия. В этом случае странным, по крайней мере на первый взгляд, кажется сетование Страхова на то, что Ибервег, описывая жизнь Сократа, ничего не говорит ни о его жене, ни о его детях (замечу, что и Страхов-младший в своем «Очерке»

опускает информацию о семье Сократа). Получается, расскажи Ибервег о Ксантиппе, маленьких детях и... Сократ оживет. И оживший Сократ предстанет в качестве великого мыслителя-героя, живого события истории мысли. Именно такого, «живого Сократа» не находил старший Страхов в историко-философских очерках современников, в этом отношении «Очерк» младшего Страхова не был исключением.

Анализ историко-философских воззрений обоих Страховых показывает, что оба мыслителя испытали влияние Гегеля и разделяли основные положения его концепции истории философии, утверждая понятийную форму движения мысли, его диалектический характер, поступательность, преемственность и внутреннюю сущностную связь этапов развития философии. Так, например, Страхов-младший писал во введении: «Предметом истории философии служат философские учения, преемственно появившиеся в разные времена, как естественные попытки ума человеческого разрешить существенные задачи и вопросы философии. Различные философские учения в их непрерывной преемственности представляют собой строго последовательные моменты развития философского мышления, движимого стремлением к одной цели — к философской истине; поэтому для истории философии отдельные философские учения и являются теми историческими фактами, которые она должна собрать и представить в возможно точном и подлинном виде, с тем, чтобы с возможно большею истинностью восстановить весь последовательный процесс развития философской мысли от самого начала философии до настоящих времен» [18, с. 22].

И хотя в работах Страхова-старшего мы можем найти много схожих утверждений о задаче истории философии, предложенное решение казалось ему ошибочным. Так, в письме к Л. Н. Толстому он писал: «...путь этих построений никогда не приведет нас к тому, чего одного мы желаем, т. е. к познанию сущности. Сущность открывается иначе, и, во-первых, следует сбросить все то, что я называл построениями. Тогда получится, может быть, *другое знание*, которое мне хотелось бы назвать *живым*, но о котором пока ничего не умею сказать. ...Я надеюсь таким образом сбросить иго естественных наук, тяготеющее над нынешнею философией; я дам отчет в том, почему все их исследования так *мертвенны*, так мало нам дают, и в то же время почему они несомненны и успешны. Одно с другим связано» (курсив мой — И. М.) [33, с. 89–90].

Видеть вслед за Страховым-младшим значение Сократа в том, что он впервые поставил философию на научную почву, представив ее как систему «методически выработанных понятий», значит для Страхова-старшего исказить саму суть философии, представляющей целостное мироозерцание, в котором, по словам Н. Бердяева, «теория слита с жизнью», с жадной веры. Для понимания позиции Страхова-старшего значим избранный им эпитафия к работе «О задачах...». Это слова Гегеля: «Мышление есть тоже своего рода молитва». Учение Гегеля, увиденное глазами Страхова, увлеченного А. Шопенгауэром и немецкими мистиками, — это подлинная мистика, это «самое ясное и чистое»; то, к чему и приходит «всякое строгое мышление». Подлинная история философии, о которой мечтал старший Страхов, должна была стать единством строгой науки и поэтического вдохновения, единством логически выверенного рационализма и мистического озарения; это была бы история гениев, передающих от одного к другому через головы поколений подлинную философию.

Старший Страхов не написал свою историю философии и не был услышан большинством своих современников, желающих ее узнать. Многочисленные переиздания «Очерка истории философии» Страхова-младшего были убедительным свидетельством успеха. Однако спустя более чем столетие имя Страхова-младшего исчезает в недрах истории, историко-философские размышления Страхова-старшего оказываются все более созвучными современности, приглашая к новым дискуссиям.

Литература

1. Ильин В. Н. Сократ и антропология познания // Вопросы философии. 2014. № 10. С. 87–99.
2. Куренной В. Эмпирическая метафизика и исследовательская программа истории философии Эдуарда Целлера // Логос. Философско-литературный журнал. 2006. Т. 52, № 1. С. 89–102.
3. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Книга первая. СПб.: Наука, 1992. 349 с.
4. Кротов А. А. Философия истории философии во Франции (проблема закономерностей в развитии интеллектуальной культуры). М.: Изд-во Московского ун-та, 2018. 480 с.
5. Генцикений Фр. История философская, или о философии. СПб., 1781. 353 с.
6. Бруккер И. Сокращенная история философии от начала мира до нынешних времен, которую с французского языка перевел С. В. Колокольников. М., 1785. 442 с.
7. Бруккер И. Критическая история философии, служащая руководством к прямому познанию ученой истории / пер. М. Гаврилов. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1788. XII+226 с.
8. Шпет Г. Г. Очерк развития русской философии // Введенский А. И., Лосев А. Ф., Радлов Э. Л., Шпет Г. Г. Очерки истории русской философии / сост., вступ. ст., примеч. Б. Б. Емельянова, К. Н. Любутина. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. 592 с.
9. Двдв. (Ив. Ив. Давыдов) Первые опыты философов // Вестник Европы. 1818. № 5. С. 36–56; № 6. С. 129–158; № 7. С. 183–191.
10. Давыдов И. И. Опыт руководства к истории философии, для благородных воспитанников университетского пансиона. М., 1820. 126 с.
11. Кротов А. А. Принципы историко-философского анализа в интерпретации школы идеологов (Дежерандо) // История философии. Научно-теоретический журнал. 2017. Т. 22, № 1. С. 5–14.
12. Галич А. История философских систем, по иностранным руководствам составленная: в 2 т. СПб., 1818. Т. 1. XII+340 с.
13. Риттер Г. История философии древних времен / пер. с нем. и предисл. В. Н. Карпова. СПб.: Тип. И. Глазунова и К^о, 1839. Ч. 1. XXIV+584 с.
14. Карпов В. Н. Введение в философию // Карпов В. Н. Избранное. СПб.: Академия самопознания, 2004. С. 59–198.
15. Новицкий О. М. Постепенное развитие древних философских учений в связи с развитием языческих верований: 4 ч. Киев, 1860. Ч. 1: Религия и философия Древнего Востока. XV+326 с.
16. Новицкий О. М. Постепенное развитие древних философских учений в связи с развитием языческих верований: 4 ч. Киев, 1860. Ч. 2: Религия классического мира и первая половина греческой философии. VII+429 с.
17. Введенский А. И. Предисловие к первому русскому изданию // Виндельбанд В. История древней философии / пер. с нем. под ред. А. И. Введенского. 4-е изд. СПб.: Изд. общества вспоможения окончившим курс наук на СПб. Высших женских курсах, 1908. С. III–VIII.
18. Страхов Н. Н. (Мл.) Очерк истории философии // Вера и разум. Харьков, 1892. Философский раздел. Т. II, ч. 1. С. 22–42, 96–112, 197–216, 351–366, 492–506; ч. 2. С. 152–174, 304–324, 485–522.
19. Страхов Н. Н. (Мл.) Очерки истории философии. С древнейших времен философии до настоящего времени Н. Н. Страхова. Харьков: Тип. губ. правления, 1893. 168 с.
20. Снетова Н. В. Исследования и оценки философского творчества Н. Н. Страхова // Вече. 2015. № 27–2. С. 64–74.
21. Сапов В. В. Страхов Н. Н. Русская философия: Словарь / под общ. ред. М. А. Маслина. М.: Республика, 1995. С. 489–490.
22. Алексеев П. В. Философы России XIX–XX столетий. Биографии, идеи, труды. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Академический проект, 1999. 944 с.
23. Страхов Н. Н. О задачах истории философии // Вопросы философии и психологии. 1894. Кн. 21 (1). Специальный раздел. С. 1–34.

24. Фишер К. История новой философии / пер. с нем. Н. Н. Страхова; в 4 т. СПб.: Н. Л. Тиблен, 1862–1865.
25. Страхов Н. Н. Философские очерки. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1895. XVI+530 с.
26. Страхов Н. Н. Письма о философии. Письмо I // Вопросы философии и психологии. 1902. Кн. 61. С. 783–793.
27. Мотовникова Е. Н., Ольхов П. А. И. Кант в философских исследованиях Н. Н. Страхова (опыт эпистемологической ориентации) // Кантовский сборник. Вып. 3 (53). Калининград, 2015. С. 22–37.
28. Мотовникова Е. Н. Зеркала сочувствия: мышление и личность Н. Н. Страхова в истолковании Ф. Э. Шперка и Ю. Н. Говорухи-Отрока // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 2. С. 136–144.
29. Бросова Н. З. Н. Н. Страхов как историк философии // Credo New. 2000. № 1. URL: <http://credonew.ru/content/view/164/52/> (дата обращения: 04.07.2018).
30. Мотовникова Е. Н., Ольхов П. А. Кредо Н. Н. Страхова (опыт самопонимания в переписке с П. Д. Голохвастовым) // Вопросы философии. 2015. № 9. С. 114–128.
31. Страхов Н. Н. (Мл.) К вопросу о задачах истории философии // Вера и разум. 1894. Философский раздел. Т. II, ч. 1. С. 505–524; ч. 2. С. 13–36.
32. Гаврюшин Н. К. За кулисами философской драмы: метафизика и историософия Н. Страхова. 23 декабря 2013 г. URL: <http://archive.bogoslov.ru/text/3693498.html> (дата обращения: 05.05.2018).
33. Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым (1870–1894) // Толстовский музей. СПб.: Тип. Б. М. Вольфа, 1914. Т. 2. 481 с.

Статья поступила в редакцию 19 мая 2018 г.;
рекомендована в печать 3 октября 2018 г.

Контактная информация:

Мочалова Ирина Николаевна — канд. филос. наук, доц.; mochalova@yandex.ru

Formation of the national history of philosophical thought. The phenomenon of Socrates*

I. N. Mochalova

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Mochalova I. N. Formation of the national history of philosophical thought. The phenomenon of Socrates. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2019, vol. 35, issue 1, pp. 56–69. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2019.105> (In Russian)

The article analyzes the process of formation of the national history of philosophical thought. The first part of the article examines the European history of the formation of the history of philosophy and proves that professionalization of philosophy became a catalyst for discussions about the nature of the history of philosophy. The article shows the connection between the institutionalization processes of philosophy in Russia and publishing the first works on the history of philosophy in the Russian language. For their qualitative assessment, it is proposed to consider the philosophy of Socrates. The ways of philosophical self-reflection are presented in describing the Socrates views. It highlights the secondary compilation nature of the first Russian histories of philosophy. The second part of the article is devoted to the study of the history of ancient philosophy in Russia. The development of ancient philosophy contributes to the expansion of the tools of the history of philosophy and to overcome its superficial,

---

* The research has been performed within the grant of Russian Foundation for Basic Research No 18-011-00968 “Socrates: pro et contra. Myth of Socrates in Russian and World Cultures”.

simplified presentation. The controversy about the tasks of the history of philosophy that unfolded in the 1890s between two thinkers, N. N. Strakhov Sr (1828–1896) and N. N. Strakhov Jr (1852–1928) testifies the new quality of the history of philosophy as an independent science and academic discipline. Its analysis in the final part of the article allows asserting that by the end of the 19th century, the history of philosophy has been formed in Russia as an independent specialized field of philosophical knowledge.

Keywords: a history of philosophy, Russian philosophy, institutionalization of philosophy, Socrates, methodology.

References

1. Ilyin, V. N. (2014), “Sokrat i antropologiya poznaniia” [Socrates and the anthropology of knowledge], *Voprosy filosofii*, vol. 10, pp. 87–99.
2. Kurennoi, V. (2006), “Empiricheskaia metafizika i issledovatel'skaia programma istorii filosofii Eduarda Tsellera” [Empirical metaphysics and research program of the history of philosophy of Eduard Zeller], *Logos*, vol. 52, no. 1, pp. 89–102.
3. Hegel, G. W. F. (1992), *Lektsii po istorii filosofii. Kniga pervaiia* [Lectures on the history of philosophy. Book 2], Nauka, St. Petersburg, Russia.
4. Krotov, A. A. (2018), *Filosofia istorii filosofii vo Frantsii (problema zakonomernosti v razvitiu intellektual'noi kul'tury)* [Philosophy of the history of philosophy in France (the problem of laws in the development of intellectual culture)], Moskovskij universitet, Moscow, Russia.
5. Gentskenii, Fr. (1781), *Istoriia filosofskaia, ili o filosofii* [Philosophical history, or about philosophy], St. Petersburg, Russia.
6. Brukker, I. (1785), *Sokrashchennaia istoriia filosofii ot nachala mira do nyneshnikh vremen* [A shortened history of philosophy from the beginning of the world to modern times], transl. by Kolokol'nikov, S. V., Moscow, Russia.
7. Brukker, I. (1788), *Kriticheskaia istoriia filosofii, sluzhashchaia rukovodstvom k priamomu poznaniu uchenoi istorii* [Critical history of philosophy, which serves as a guide to the direct knowledge of scientific history], transl. by Gavrilov, Matvei, Univ. tip., u N. Novikova, Moscow, Russia.
8. Shpet, G. G. (1991), “Ocherk razvitiia russkoi filosofii” [Essay on the development of Russian philosophy], in Vvedenskij, A. I., Losev, A. F., Radlov, E. L. and Shpet, G. G. *Ocherki istorii russkoi filosofii* [Essays on the history of Russian philosophy], eds Emel'yanov, B. B. and Lyubutin, K. N., Ural'skij universitet, Sverdlovsk, Russia.
9. Dvdv. (Davydov, Iv.Iv.) (1818), “Pervye opyty filosofov” [The first practice of philosophers], *Vestnik Evropy*, no. 5, pp. 36–56; no. 6, pp. 129–158; no. 7, pp. 183–191.
10. Davydov, I. I. (1820), *Opyt rukovodstva k istorii filosofii, dlia blagorodnykh vospitannikov universitetskogo pansiona* [The experience of guiding to the history of philosophy, for the noble students of the university pension], Moscow, Russia.
11. Krotov, A. A. (2017), “Printsipy istoriko-filosofskogo analiza v interpretatsii shkoly ideologov (Dezherando)” [The Principles of the Analysis of the History of Philosophy in the Interpretation of «Ideologists» School (Degerando)], *Istoriia filosofii. Nauchno-teoreticheskii zhurnal*, vol. 22, no. 1, pp. 5–14.
12. Galich, A. (1818), *Istoriia filosofskikh sistem, po inostrannym rukovodstvam sostavlennaia* [The history of philosophical systems, according to foreign guidelines compiled], in 2 vols., vol. 1, St. Petersburg, Russia.
13. Ritter, G. (1839), *Istoriia filosofii drevnikh vremen* [Geschichte der Philosophie], transl. by Karpov, V. N., vol. 1, Tip. I. Glazunova i K^o, St. Petersburg, Russia.
14. Karpov, V. N. (2004), “Vvedenie v filosofiiu” [Introduction to Philosophy], in Karpov, V. N. *Izbrannoe* [Selected works], Akademiia samopoznaniia, St. Petersburg, Russia, pp. 59–198.
15. Novitskii, O. M. (1860), *Postepennoe razvitie drevnikh filosofskikh uchenii v svyazi s razvitiem iazycheskikh verovanii, chast' 1. Religii i filosofii Drevnego Vostoka* [Gradual development of ancient philosophical doctrines in connection with the development of pagan beliefs, pt. 1. Religion and philosophy of the Ancient East], Kiev, Ukraine.
16. Novitskii, O. M. (1860), *Postepennoe razvitie drevnikh filosofskikh uchenii v svyazi s razvitiem iazycheskikh verovanii, chast' 2. Religii klassicheskogo mira i pervaiia polovina grecheskoi filosofii* [Gradual development of ancient philosophical doctrines in connection with the development of pagan beliefs, part 2. The religion of the classical world and the first half of Greek philosophy], Kiev, Ukraine.

17. Vvedenskii, A. I. (1908), "Predislovie k pervomu russkomu izdaniui" [Preface to the first Russian edition], in Vindel'band, *Istoriia drevnei filosofii* [History of the ancient philosophy], 4th ed., Izd. obshchestva vspomozheniia, okonchivshim kurs nauk na SPb. Vysshikh zhenskikh kursakh, St. Petersburg, Russia, pp. III–VIII.

18. Strakhov, N. N. [Jr.] (1892), "Ocherk istorii filosofii" [Essay on the history of philosophy], *Vera i razum*, Philosophical section, vol. II, part 1, pp. 22–42, 96–112, 197–216, 351–366, 492–506; part 2, pp. 152–174, 304–324, 485–522.

19. Strakhov, N. N. [Jr.] (1893), *Ocherki istorii filosofii. S drevneishikh vremen filosofii do nastoiashchego vremeni* [Essay on the history of philosophy. From the most ancient times of philosophy to the present], Tip. Gub. Pravleniia, Khar'kov, Ukraine.

20. Snetova, N. V. (2015), "Issledovaniia i otsenki filosofskogo tvorchestva N. N. Strakhova" [Research and evaluation of N. N. Strakhov's philosophical creativity], *Veche*, vol. 27–2, pp. 64–74.

21. Sapov, V. V. (1995), "Strakhov, N. N." [Strakhov, N. N.], in Maslin, M. A. (ed.), *Russkaia filosofii: Slovar'* [Russian philosophy: Dictionary], Respublika, Moscow, Russia, pp. 489–490.

22. Alekseev, P. V. (1999), *Filosofy Rossii XIX–XX stoletii. Biografii, idei, trudy* [Philosophers of Russia XIX–XX centuries. Biographies, ideas, works], 3rd ed., Akademicheskii proekt, Moscow, Russia.

23. Strakhov, N. N. (1894), "O zadachakh istorii filosofii" [On the tasks of the history of philosophy], *Voprosy filosofii i psikhologii*, vol. 21 (1), Special section, pp. 1–34.

24. Fisher, K. (1862–1865), *Istoriia novoi filosofii* [History of new philosophy], in 4 vols, transl. by Strakhov, N. N., N. L. Tiblen, St. Petersburg, Russia.

25. Strakhov, N. N. (1895), *Filosofskie ocherki* [Philosophical Essays], Tip. br. Panteleevykh, St. Petersburg, Russia.

26. Strakhov, N. N. (1902), "Pis'ma o filosofii. Pis'mo I" [Letters on philosophy. Letter I], *Voprosy filosofii i psikhologii*, vol. 61, pp. 783–793.

27. Motovnikova, E. N. and Olkhov, P. A. (2015), "I. Kant v filosofskikh issledovaniiax N. N. Strakhova (opyt epistemologicheskoi orientatsii)" [I. Kant in the philosophical studies of N. N. Strakhov (experience of epistemological orientation)], *Kantovskii sbornik*, vol. 3 (53), Kaliningrad, Russia, pp. 22–37.

28. Motovnikova, E. N. (2015), "Zerkala sochuvstviia: myshlenie i lichnost' N. N. Strakhova v istolkovanii F. E. Shperka i Iu. N. Govorukhi-Otroka" [Mirrors of empathy: Nikolai Strakhov's thinking and personality interpreted by Feodor Shperk and Yuri Govorukha-Otrok], *Gumanitarnye issledovaniia v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, vol. 2, pp. 136–144.

29. Brosova, N. Z. (2000), "Strakhov kak istorik filosofii" [N. N. Strakhov as a historian of philosophy], *Credo New*, vol. 1, available at: <http://credonew.ru/content/view/164/52/> (Accessed 4 July 2018).

30. Motovnikova, E. N. and Olkhov, P. A. (2015), "Kredo N. N. Strakhova (opyt samoponimaniia v perepiske s P. D. Golokhvastovym)" [The Philosophical Credo of Nikolai N. Strakhov In a Correspondence With Pavel D. Golokhvastov], *Voprosy filosofii*, vol. 9, pp. 114–128.

31. Strakhov, N. N. [Jr.] (1894), "K voprosu o zadachakh istorii filosofii" [On the problems of the history of philosophy], *Vera i razum*, Philosophical section, vol. II, part 1, pp. 505–542; part 2, pp. 13–36.

32. Gavryushin, N. K. (2013), "Za kulisami filosofskoi dramy: metafizika i istoriosofia N. Strakhova. 23 dekabria 2013 g." [Behind the scenes of philosophical drama: metaphysics and historiosophy N. Strakhova], available at: <http://archive.bogoslov.ru/text/3693498.html> (Accessed 05.05.2018).

33. "Perepiska L. N. Tolstogo s N. N. Strakhovym (1870–1894)" (1914) [Correspondence of L. N. Tolstoy with N. N. Strakhov(1870–1894)], in *Tolstovskii muzei*, vol. 2, Tip. B. M. Vol'fa, St. Petersburg, Russia.

Received: May 19, 2018
Accepted: October 3, 2018

Author's information:

Irina N. Mochalova — PhD, Associate Professor; mochalova@yandex.ru